

Рецензия на кн.: Н.С. Розов. Идеи и интеллектуалы в потоке истории

Н.С. Розов Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. – 344 с.

Труды новосибирского философа Н. С. Розова всегда актуальны и современны, каждая его работа представляет собой качественно новый уровень теоретического переосмысления проблем социального развития. Его новая книга привлекает внимание читателя широтой охвата и разнообразием представленного в ней материала, оригинальностью постановки и вариантов решения многих острых интеллектуальных и социальных проблем. Рискнем предположить, что на сегодняшний день в России вряд ли найдется подобная книга, в которой бы автор так содержательно обращался к судьбе отечественной философской мысли, подробно освещая заявленные в названии проблемы идей и интеллектуалов.

В современном обществе мышление, знание, интеллект стали важнейшими явлениями, которые, несмотря на свою кажущуюся привычность, получили недостаточно пристальное внимание со стороны философов, в отличие, например, от специалистов в области нейронаук. Интеллектуальная деятельность требует более комплексного и глубокого анализа в исследованиях своего развития, изучения возможности применения знаний и условий формирования крайне важной сейчас мыслительной культуры, без чего сложно адекватно оценивать и понимать происходящие кризисы социальных институтов науки и образования.

Что же представляет собой рецензируемая книга, в чем ее специфика и каково ее место в современной научной инструментари? Уже из оглавления очевидно, что текст представляет собой хорошо организованную систему обновленных идей профессора Розова по поводу различных проблем, к которым автор обращался в своих статьях в последнее время. Предлагаемые

читателю положения структурируют главы книги на проблемном уровне, включая три части и приложения.

Автор начинает не с исторического исследования, например, генезиса интеллектуалов в период «Осевого времени» или обращения к феномену русской интеллигенции, но с анализа онтологии научного знания, в частности, и мысли вообще. Эта первая часть, озаглавленная автором «Онтология мысли и аксиология истории», включает философские рассуждения о бытии идей с конкурирующих позиций платонизма, полагающего их автономность, и социологизма, доказывающего их производность от социальных структур и процессов. Розов демонстрирует крайности обеих позиций, показывая общность их предпосылок и доказывая, что определенная степень автономии идеального надстраивается над социальными и психическими процессами.

Для этого предлагается авторский вариант «четырёхчастной онтологии», опирающийся на идеи Гегеля и Поппера и включающий четыре сферы бытия: материальный мир (биотехносферу), психосферу, культуросферу и социосферу. Каждая из сфер характеризуется особым типом объектов (материальные предметы, психические явления, культурные образцы и социальные структуры соответственно) и специфическими закономерностями. Розов обосновывает онтологическую чистоту каждой из сфер, предлагая, для полноты описания, наряду с указанными «чистыми» сферами, существование смешанных, или «гибридных», сфер, в которых одновременно участвуют объекты и закономерности разных «чистых» сфер.

Данная гибридизация помогает автору прояснить свою точку зрения на онтологический статус идеальных объектов и существенно расширяет, на наш взгляд, методологические возможности социальной онтологии. В то же время можно указать на некоторую корреляцию авторской четырёхчастной онтологии и «четырёхсекторный» интегральный подход Кеннета Уилбера, выделяющий четыре фундаментальные измерения мира, несводимые друг к другу по предмету, методам познания, критериям истины и языку: субъекта

(интроспекция, феноменология), объекта (научная методология), intersубъективности (теория культуры) и интеробъективности (социология, теория систем). На наш взгляд, вполне возможны продуктивные варианты использования указанного сходства для методологических обоснований социальных исследований и рассмотрения таких сложных и многоаспектных явлений, как сознание, религия, искусство и т.п.

Далее Розов рассматривает роль идей и воображения в социально-историческом развитии и уделяет особое внимание эволюции интеллектуальных институтов, выделяя причины стагнации философской мысли. Он доказывает, что уход философии из центра общественного внимания, ее явная неспособность убедительно отвечать на вопросы времени, несмотря на шумные конгрессы, обильное издание журналов и книг обусловлены виной самих современных философов, утративших веру в себя и, соответственно, доверие общества. Анализируя институциональные причины стагнации и маргинализации философии, автор, тем не менее, видит перспективу нового подъема философии через новые формы мышления и институты. Более того, он считает, что интеллектуалистская традиция «отмены философии» – это не частное ответвление, а один из мейнстримов философской мысли. Поэтому если философы по-настоящему верят в философию, то должны не чураться критических вызовов, бросаемых ей, а трансформировать их интеллектуальную силу в дальнейшее развитие философского мышления.

Завершает первую часть книги системный анализ такого интеллектуального феномена, как мечта, который рассмотрен с позиций ее феноменологии, онтологии, аксиологии, гносеологии, этики, организационной и политической философии, а также историософии. Розов иногда выдает свои мечты за глобальные, например, мечту о приоритете права и судов в международных отношениях, хотя нельзя не поддержать его тезис о том, что глобальная мечта должна касаться не призывов к миру и

нравственным добродетелям, а механизмов конструктивного разрешения неизбежных напряжений и конфликтов.

Во второй части «Философия, наука и образование в России: траектории кризисного развития» в центре внимания автора оказывается проблема самоидентичности отечественной философии. С большой тщательностью Розов объясняет структурную специфику российской философии на основе теории интеллектуальных сетей, используя результаты анализа циклической динамики истории России. Вполне уместным является обращение к проблеме отношений «философия – политика», где верховная власть в России метафорически выступает в роли авторитарного мужа, а философия вообще не представляет собой единую личность с постоянным характером. Автор анализирует эти отношения в контексте динамики социальной жизни (с проникновением в нее политики) и приходит к выводу, демонстрируя результат в виде наглядной модели, что свобода или несвобода философии напрямую зависит от успехов и провалов российского государства в те или иные исторические периоды. Например, кризисная ситуация в нашей стране с весны 2012 года, по мнению автора, будет усугубляться продолжающимся «авторитарным откатом», наносящим удар, главным образом, по периферийным образовательным учреждениям, вызывая сокращение и реструктуризацию философских подразделений.

После освещения циклов российской истории Розов выявляет их роль в разделении отечественной философии на западническую «провинциальную» и почвенническую «туземную», официально-лоялистскую и неофициальную-протестную, религиозную и атеистическую. Основания для разделения на «провинциалов» и «туземцев» выявляются в сфере приверженности к определенным философским направлениям и именам. Кроме этого, немалую роль играет западническая или отечественная интеллектуальная ориентация и географическая локация философов. Вполне обоснованы и авторские замечания по поводу отсутствия принципиальных философских споров и отсутствию общего поля внимания.

Тема интеллектуалов – ключевая в данной книге, поэтому актуально авторское обращение к поведению интеллектуала через выявление его идентичности, отражаемой в различных взглядах и убеждениях. Поступки и деятельность интеллектуала могут вступать в конфликт с его мировоззрением ввиду угроз карьере и благополучию семьи, что может привести к замалчиванию или искажению результатов исследований, отражающих информацию в интересах, например, политической элиты. Так или иначе, интеллектуалы выстраивают по отношению к проводимой в тот или иной период политике определенную позицию. Автор задает резонный вопрос о возможности содействия интеллектуалами прекращению или трансформации циклов, негативно воздействующих на российское общество, предлагая выбор одной из трех опций: «встраивание в систему», «уход» и «радикализм».

Далее описывается проблема «не-мыслящей России», происходящей на фоне увеличивающегося в геометрической прогрессии массива книг и публикаций. Розов анализирует конкретные причины (внешние и внутренние) интеллектуальной стагнации нашей страны. Вслед за этим анализом он констатирует печальный и любопытный факт: самопрограммируемость провинциальности российских социальных наук.

Отдельные главы автор посвящает российской геополитике как науке, доказывая ее право на существование и развитие, а также критике реформы РАН учеными, выявляя базовые ценности и предназначение российской науки. Нельзя не поддержать выявленную Розовым самооценку знания, роста научного знания, развития философского мышления вне всяких прикладных и прагматических аспектов. В то же время необходимо признать и важность запросов общества, бизнеса и государства для национально ориентированной науки, поэтому вполне рабочими представляются сформулированные автором тактические и стратегические задачи научного сообщества в условиях нынешнего реформирования.

В завершение второй части обсуждается будущее (пока деградирующих) российских высших учебных заведений в эпоху глобализации. Действительно, университетским работникам сегодня не позавидуешь: появление новых стандартов влечет за собой горы бумаг, необходимых для проверок, аккредитаций и аудитов. Автор обращается к вопросам финансирования вузов по иерархическим категориям и таким тенденциям, как реструктуризация в виде присоединения или поглощения столичными вузами, но основное внимание уделяет проблеме базовых ценностей образования в трансформирующейся социальной реальности.

Сложно полностью согласиться с автором, прогнозирующим череду кризисов и считающим возможные образовательные инновации утопичными из-за наблюдаемых сегодня процессов, не способных обеспечить стабильность для будущих поколений в течение ближайших десятилетий. В ведущих вузах России организуется подготовка специалистов по управлению программами и проектами в образовании, восстанавливается утраченная связь поколений профессорско-преподавательского состава, приглашаются специалисты с мировым именем, но, конечно, это только часть необходимой и продуманной системы мероприятий. Розов предлагает свой вариант действий для формирования условий развития образования, справедливо отмечая при этом наличие обилия подобных идей при реальной деградации образовательной сферы.

Третья часть книги «Будущее мышления как интеллектуальный вызов» содержит обзор наиболее значимых аспектов модернизации познавательной деятельности в России, который начинается с рассмотрения дисциплинарных «империализмов», совершающих свои экспансии на территорию обществознания. Экономический, психологический, лингвистический, социологический империализм, по мнению автора, можно преодолеть организацией совместных междисциплинарных исследований, хотя для этого потребуется много усилий и доверие участников создаваемого по примеру объединенной Европы «обществознания без границ». Несмотря на

кажущийся утопизм авторских идей, перспектива такого объединения представляется нам весьма конструктивной и плодотворной. При таком варианте научного развития возможно расширение выполняемых учеными проектов с учетом соблюдения стратегии «win-win» для участвующих в ней сторон, хотя, к сожалению, не всегда в реальной жизни соблюдается добрая воля и обеспечивается взаимное уважение участников, способные нивелировать конфликты по поводу финансов и авторских приоритетов.

Еще один сюжет, предлагаемый автором в данной части книги, касается альтернативных подходов к преподаванию отечественной истории. Вне сомнения, проектирование альтернативных исторических трендов привлекает мыслящих читателей больше, нежели чистая проблема методического обеспечения образовательного стандарта. Профессор Розов задает свой вектор осмысления отечественной истории, базирующейся на порывах модернизации, циклической динамике и драме исторических испытаний, связь которых прослеживается в системе попыток догнать более развитые страны, сопровождающиеся определенными успехами и неудачами на конкретном историческом этапе. Автор предлагает дискуссию для представители гуманитарного (и не только) образования по вопросу о возможности единого учебника по истории и участии в его создании, доказывая, что любое унифицированное издание по истории России будет гиперидеологизированным, а обучение будет строиться в интересах правящих элит, хотя реальная история России гораздо богаче своими драматическими поворотами.

Далее Розов обращается к тенденциям развития и будущему мировой философии, особое внимание уделяя особенностям современной отечественной философии – периферийности и провинциальности. Он выделяет четыре позиции, занимаемые российскими философами: державно-лоялистская, западническая, научно-философская, диалогическая. Несмотря на условность подобной типологии, считаем важной саму необходимость более подробной и обоснованной классификации и отдаем должное автору за

начало такой работы. Для преодоления интеллектуальной периферийности Розов указывает ориентиры развития философского сообщества, выделяя расцвет творчества высокого уровня, продвижение к диверсификации его материальных основ и формирование поля проблематики общего внимания. Он даже предлагает конкретные способы движения к этим ориентирам, включая конкурсы творческих работ, создание лабораторий при философских факультетах и налаживании системы тесного партнерства. Конечно, преодоление диагностируемой автором периферийности российской философии, помимо предлагаемых путей, требует досконального изучения отдельных историй успеха, имевшихся в зарубежной и российской науке, но даже грамотно организованная дискуссия о способах может стать началом преодоления этой периферийности.

Заметим, что эта дискуссия уже открыта спорами о противоположных типах социальной науки – «провинциальности» и «туземства», предложенных М. Соколовым и К. Титаевым. Если провинциальность стремится подражать мировым интеллектуальным «столицам», их престижу и новым идеям, то туземство – это тип социальной науки, изолированный от мировой, и ориентиры здесь задаются местечковыми авторитетами. Розов стремится показать полную картину, отражающую истинное положение провинциальной и туземной науки, обращаясь к вопросу признания в каждой из них и выявляя их схожесть: признание участники каждой из указанных стратегий получают друг от друга, не представляя реального интереса для интеллектуальных «столиц» и будущих поколений. Автор анализирует факторы успеха Чикагской социологической школы, которую можно отнести к «туземной» науке и приводит ряд положений по трансформации отечественной социальной науки. В завершении третьей части выдвинута гипотеза о том, что российская социальная наука способна достигнуть интеллектуальной «столичности» и приведен набор практических рекомендаций для этого. Рекомендация для самой социальной науки – необходимо менять поведение и «вести себя как наука, бросающая вызов».

Вполне закономерно, что в своем комплексном исследовании различных аспектов генерации идей и взаимодействия интеллектуалов Н. С. Розову удалось заложить основу для проведения качественно новых исследований важнейших интеллектуальных институтов – науки, философии и образования. Кроме этого, в рецензируемой книге содержится немало других идей, вызывающих желание подискутировать с автором – и это очень важно, поскольку для российских философов давно назрела необходимость реализовать свой интеллектуальный потенциал на общем дискуссионном пространстве.

В. И. Кудашов (Красноярск)

Н. Н. Равочкин (Кемерово)